

Пути и перепутья Франции в меняющемся мире

Марк НЕЙМАРК

Лионель Жоспен* написал, по его собственному определению, политическую книгу [1]. В ней есть всё, что это подтверждает: исторические реминисценции, увязываемые с современностью, экономический анализ, размышления об особенностях западного общества и реальностях мирового развития.

Но в центрирующем фокусе внимания автора, конечно же, Франция и события последних лет, происходящие в период президентства Э. Макрона, т. е. изменения политического ландшафта, которые автор описывает «не столько как участник, сколько как свидетель» [1, р. 9]. Тем самым он подчёркивает желание сохранить оценочную беспристрастность своих выводов, относящихся как к внутренней, так и внешней политике Франции. Сделать ему это явно непросто, особенно в осмыслении феномена макронизма, в отношении к которому он – социалист – выступает как партийно-политический оппонент.

Акцентирующее отражение в книге находит анализ неолиберализма и его негативной, по ут-

верждению автора, роли в изменении социально-политического и экономического климата в стране.

НЕЙМАРК Марк Афроимович – доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России. SPIN-код: 2491-0280, E-mail: mark.neimark@mail.ru

Ключевые слова: Франция, Европа, Россия, геополитика, Covid-19.

¹ Jospin L. Un temps troublé. P.: Editions du Seuil, 2020.

* Лионель Жоспен – первый секретарь правящей Социалистической партии в период президентства Ф. Миттерана, бывший премьер-министр Франции.

Именно неолиберализм – явный или едва маскируемый, образующий основу идеологии макронизма, он рассматривает как анахронизм. Возвращение сегодня к подходу сорокалетней давности, используемому командами Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер, означает игнорирование того факта, что неолиберальные принципы дерегулирования экономики привели к кризисам и глубокому неравенству. Причём руководители Франции задолго до принятия Бреттон-Вудской системы выступали за монетарную и финансовую реформу. «Нынешние лидеры страны должны понять, что мы подошли к концу цикла развития, и выдвинуть предложения регулирования, нежели проповедовать принцип адаптации к этому дезорганизованному порядку».

Культивировать сегодня неолиберализм – значит забыть историю Франции, считает Л. Жоспен. Если для французов свобода самоценна, то из этого отнюдь не следует, что они, в отличие от англичан или американцев, безоговорочные адепты экономического либерализма. В любом случае они выступают против ультралиберализма. Нынешние власти ни в коем случае не должны забывать Конституцию страны, ст. 1 которой гласит: «Франция – неделимая республика, светская, демократическая и социальная». Игнорирование её социального измерения означает отход от республиканского пакта и национальной политической и исторической культуры. «Поэтому приобщение французов к неолиберализму может вызвать культурную революцию, с которой власти едва ли справятся». И как

итоговый вывод: «Рыночные механизмы останутся полезными, но догмы неолиберализма несовместимы с требованиями нашей эпохи, которая требует новых подходов, учитывающих новые типы равновесия» [1, р. 97–99].

Автор считает, что Макрон, откровенный либерал, пришёл к президентской власти, как это ни покажется парадоксальным, благодаря умелому использованию революционной риторики: разрыв с прошлым, прежними политическими силами, обвинения против «старого мира» и обещание «мира нового».

Кандидат в президенты постарался возродить и осовременить столь значимый для французов лозунг в своих электоральных целях исходя из того, что революция всегда ломает надоевшее и обыденное. Лозунг сработал: молодой и динамичный Макрон, политик нового поколения, стал выглядеть в глазах избирателей наиболее эффективным «чистильщиком» всего косного и устаревшего в стране [1, р. 14].

Его успеху способствовала общеполитическая, экономическая и социальная ситуация в стране. С особой силой проявилось резкое ослабление левых сил; деградация имиджа правых; рост критических настроений в обществе, вызванных сохранением высокого уровня безработицы и социальной несправедливости в целом; отсутствие сколько-нибудь эффективной социально-экономической политики – всё это подпитывало в массовом сознании желание перемен. Макрон выиграл, «эксплуатируя недовольство и пробуждая доверие» [1, р. 51].

Президентство Макрона Л. Жоспен анализирует с различных проблемных узлов, увязывая их в обобщённо-целостный феномен макронизма. Характеризуя его, автор констатирует, что обещание «нового мира» осталось на бумаге. Конфликтная социальная напряжённость не только сохранилась, но и усилилась. Движение «жёлтых жилетов» и насилие, которым оно сопровождалось, и ответная жёсткая полицейская реакция, направляемая правительством, привели к ещё большему взаимному противодействию.

Протестные акции медицинского персонала, массовые забастовки и манифестации против пенсионной реформы стали новыми подтверждениями ухудшения социального климата в стране. Восемь министров были вынуждены покинуть правительство из-за сугубо негативной оценки их деятельности. Многие внешние наблюдатели объясняют рост социальной напряжённости в стране отличительной склонностью французов к выражению недовольства и возмущения.

Только частично соглашаясь с таким мнением, Жоспен оперирует фактами и аргументами, знание которых накапливалось многими годами его пребывания на самых высоких государственных постах. Особенность формирования феномена макронизма он видит в том, что в отличие от своих предшественников-президентов он – человек без политических привязанностей.

Де Голля окружали соратники по борьбе; Миттеран постоянно находился среди своих товарищей, «рядом с Макроном – только верные

люди, ставшие ими совсем недавно, или обязанные ему» [1, р. 59].

Причина одна: никому не известный до своей победы на выборах, сам сделавший свою карьеру, он ничем не обязан тем, кто последовал за ним, и тем, кто вошёл в его правительство. Зачастую в политике, со знанием дела пишет Жоспен, успех опьяняет. А личный успех – тем более: «Это нашло подтверждение в поведении нашего президента. Пресса приводила никем не опровергнутый пример того, как в Елисейском дворце он публично разносил министров своего правительства».

Кроме того, французы обнаружили у своего президента двойной подход к манере выражения своих мыслей. В официальных и торжественных речах, в выступлениях на телевидении – это одно; в импровизационных встречах с людьми это может быть прямо противоположное, грубое словесное общение. И таких случаев, когда общественное мнение было шокировано, было много, с использованием очень резкой, на повышенных тонах лексики. За этим стоит «желание понравиться и одновременно – удовольствие доминировать» [1, р. 60].

С последним обстоятельством Л. Жоспен увязывает predetermined жёсткости самой вертикали президентской власти, которая стала играть решающую роль в сложнейших отношениях государства и общества. Это с неизбежностью вызвало противодействие или обескураженность социальных партнёров, не говоря уже о фронде местных депутатов. Чрезмерно усиленная вертикаль власти – большой

риск для неё, считает автор, прекрасно знающий её особенности.

«Власть, пренебрегающая интересами тех или иных слоёв и групп населения и не учитывающая все сложности социальной и политической пирамиды, может прямо столкнуться с её основой, т. е. народом. Может быть, к этому и стремился молодой и горячий президент, которого некоторые хроникёры стали называть Бонапартом. Анахронично и... неосторожно» [1, р. 63].

Жоспен выделяет то важнейшее обстоятельство, что у президентского движения «Республика на марше» нет исторической укоренённости во французском обществе. Её организационные структуры фактически выстроены по принципу вождизма. Движение, заявляющее о своей амбициозной цели обновить политическую жизнь страны, использует методы «демократического централизма», которые в своё время были на вооружении у коммунистических партий, «если не сказать больше – что они исходят из бонапартистской практики» [1, р. 134]. Поэтому культура «вертикальных» отношений власти и общества доминирует в нём. Более того, предпринимательская логика макронизма постоянно даёт о себе знать. Правоту этой оценки подтвердили результаты муниципальных выборов во Франции 2020 г., на которых «Республика на марше» потерпела поражение в большинстве крупных городов, а победу одержали левые от партии «Европа Экология Зелёные» вместе с социалистами.

Опираясь на свой богатый опыт партийного руководства, а он, как отмечалось выше, был первым се-

кретарём правящей соцпартии в период президентства Ф. Миттерана, Л. Жоспен показывает отличительные особенности отношений Э. Макрона и движения, которое сыграло столь существенную роль на его пути к президентству. В отличие от него Ф. Миттеран «не царствовал извне над соцпартией», исходя из необходимости разграничивать государство и партию большинства: «С республиканской точки зрения их слияния пагубно» [1, р. 132].

Самоорганизация по сетевому принципу и, соответственно, совокупный сетевой эффект воздействия «жёлтых жилетов» как на само гражданское общество, так и особенно на властные структуры страны оказались очень и очень значительными.

Осмысливая феномен макронизма в его наиболее важных чертах, Л. Жоспен концентрирует внимание на движении «жёлтых жилетов». Он признаёт ошибочность утверждений о том, что оно возникло в конце 2018 г. как прямое следствие социально-экономической политики Макрона.

В основе народного гнева – накопленный ещё ранее заряд недовольства социальной несправедливостью. Но совокупный взрывной эффект этого недовольства проявился именно в период президентства Э. Макрона. В противопоставление его чрезмерно жёсткой властной вертикали автор выделяет «абсолютную организационную горизонтальность» движения «жёлтых жилетов» (отсутствия руководителей, координации действий, а также и требований без каких-либо переговоров). Сущностная основа движения –

принцип «Вы мною пренебрегаете – я вас игнорирую».

Фактически «жёлтые жилеты» во Франции дали наглядный пример сетевого, в отличие от традиционно-го, взаимодействия гражданского общества. Именно благодаря поддержке в социальных сетях это движение получило столь широкий размах.

Сравнивая движение «жёлтых жилетов» с протестными выступлениями различных слоёв населения в предыдущие годы и десятилетия, Л. Жоспен выделяет и его особенности, которые ранее никогда не проявлялись.

Прежде всего, он отмечает отсутствие сколько-нибудь выраженной формы его представительства. Если в нём и возникали отдельные инициативные фигуры, их никто не воспринимал как лидеров, и уж тем более как представителей движения. Недовольство, которое оно демонстрировало, было столь мощным, что охватило и собственные ряды. Другую особенность он видит в том, что демонстранты отвергали переговорный процесс как таковой. Их требования, иногда конкретные, иногда размытые и нереалистичные, как, например, призыв к отставке президента страны, никогда не рассматривались как предмет для переговоров. Сама возможность обсуждения выдвигаемых требований с представителями власти исходно отвергалась. Также игнорировались традиционные формы переговоров с профсоюзами и различными группами экономического влияния.

«Жёлтые жилеты» требовали от властей уступок, не уточняя, какие из них удовлетворят движение. По

сути, оно оставило на усмотрение исполнительной власти возможность принимать какие-либо ответные меры сугубо в одностороннем порядке. «Движение добилось уступок, не признавая их как таковых. Оно колебалось между настойчивостью добиться выполнения его ультиматумов, в том числе политических и институциональных, и страхом сделать его беспомощным» [1, р. 67]. Чтобы разрешить эту дилемму, «жёлтые жилеты» превратили само движение в цель. По сути, они актуализировали, придав иной смысл, старую формулу известного немецкого реформиста Э. Бернштейна: «Движение – всё, конечная цель – ничто».

В изменившемся политическом контексте, в котором понятие «левые – правые» всё больше размывается, и в социальном пространстве, где профсоюзы держались в стороне, а патронат делал всё, чтобы о нём забыли, движение «жёлтых жилетов» стало более длительным при меньшей масштабности. Оно не добилось удовлетворения своих требований, но не оказалось и побеждённым. «Это беспрецедентный во Франции случай, когда протест длился месяцами, как некое ритуальное празднество, не будучи ни победоносным, ни пораженческим, ни компромиссным» [1, р. 68].

Переходя к состоянию и перспективам французской Социалистической партии, которой он отдал полвека жизни, Л. Жоспен чётко разграничивает идентичность с либерализмом, подчёркивая, что «социализм нельзя отождествлять с социальным либерализмом, так как исторически он был конкурен-

том либерализма и сегодня – неолиберализма». При этом он делает оговорку, что либерализм у своих истоков – в начале XIX в. – был благотворным течением экономической и политической мысли, поскольку отвергал деспотизм и выступал за свободу. Но возникшее после него социалистическое движение против жестокостей капитализма в защиту рабочего класса выступило противником либерализма с его чрезмерным индивидуализмом и полным пренебрежением к проявлениям несправедливости. Тем более сегодня социалистическое движение, укрепившееся в своих демократических традициях, «не нуждается в либерализме как антитезе». Надо избегать сплава либерализма и социализма. «Именно из-за того, что мы позволили их смешение, социалистическое движение ныне подвергается сомнению как во Франции, так и в Европе в целом» [1, р. 125].

Без каких-либо экивоков он признаёт, что соцпартия переживает сегодня глубокий и особый кризис. Самую большую её слабость он видит в утере собственной партийной идентичности, которую следует переосмыслить, уточнить и дополнить с учётом новых реальностей.

Соцпартия нуждается в новых, пусть и немногочисленных лидерах, но сразу узнаваемых как в ней самой, так и в широких социальных слоях. Она должна стать центром притяжения интеллектуалов, экспертов и активистов, способных к осмыслению наиболее острых проблем партийной жизни и перспектив развития французского общества.

Критика неолиберальной модели миропорядка плотно увязывается

Л. Жоспеном с особенностями президентства Д. Трампа. Книга была опубликована ещё до президентских выборов в США. Но их результаты, как впрочем и сам ход избирательной кампании, вполне логично вписываются в прогнозные оценки автора. Эти выборы, писал он, будут иметь важные последствия для США и всего мира. «Национальный и международный тупик, в который Д. Трамп загнал США», предстоит преодолеть новому президенту Дж. Байдену [1, р. 238].

Особого внимания заслуживает отношение автора к России, которое формулируется в рамках традиционного западного противопоставления «демократия – автократия», «демократия – авторитаризм».

Примечательно, однако, то, что критический подход Л. Жоспена не замыкается исключительно на России. В тот же концептуальный и практико-политический формат он вписывает и некоторые страны Евросоюза, как, например, Польшу, Венгрию, Чехию, нынешние лидеры которых, «не испытывая особого энтузиазма по отношению к русскому соседу, тем не менее культивируют у себя жёстко выраженный авторитарный стиль» [1, р. 163].

Особо подчеркнём, что критическое осмысление автором, многоопытным интеллектуалом, политических процессов в России не имеет ничего общего с русофобией, которая представляет собой исходно враждебное, априори предвзятое, рефлекторно неприязненное, всегда болезненно-подозрительное и уничижительное отношение к России. Замыкают эту цепочку никак не исчезающие случаи своего рода «гал-

люцинаторной» антироссийской рефлексии. Её главный вектор – геополитический, т. е., по сути, она есть не что иное, как антитеза геополитической значимости России. Вместе с тем линейное понимание этого остропроблемного блока затуманивает глубинные изменения в мировой политике, где одновременно развиваются процессы как взаимоотталкивания, так и взаимоприятия, партнёрства, конкурентного сотрудничества и соперничества.

В этих условиях, пожалуй, как никогда ранее, актуальной становится задача разграничить русофобию и критическую оптику восприятия нашей страны. Нельзя рассматривать как русофобов всех, кто не согласен с проводимой ею внутренней и внешней политикой или выступает с критических позиций по отношению к ней.

Русофобия по своей природе деструктивна, критическое восприятие – альтернативно. Многообразие факторов, которые определяют их содержание и признаки, требуют дифференцированного подхода к осмыслению этих явлений. Даже «не модный» сегодня В. И. Ленин, всегда отличавшийся яростной непримиримостью к своим идеологическим и политическим противникам и оппонентам и не выбиравший выражений в их оценке, вплоть до самых уничижительных и оскорбительных, призывал разграничивать «взгляды и прямых врагов, и прикрытых врагов, и неопределённых, и неопределённо-«сочувствующих»

людей...» [2]. Конкретизируя свою мысль, он писал: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, не скептическое отрицание... – нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием *положительного* (выд. – Авт.)». Собственно «диалектический момент» требует, по его словам, «указания единства», т. е. связи отрицательного с положительным, нахождения этого отрицательного в положительном» [3].

Антонио Грамши тоже считал «очевидным, что критическая деятельность должна всегда иметь и положительную направленность» [4].

В адекватной критике России нет базового конфронтационного начала, которое имманентно присуще русофобии. Тем, кто болезненно воспринимает любую критику извне в наш адрес, оценивая её по инерционной привычке как злостное проявление русофобии, напомним, что критика в одном из исходных значений – «искусство разбирать, судить», в другом – «анализ с целью дать оценку», а в третьем – «отрицательное суждение, указание недостатков». Но нет никакого указания на противопоставление, отрицание, позиционирование в координатах анти-. Это тем более важно, что анти- как регулятор внешней политики – всегда упрощение.

Критическая мысль Л. Жоспена обходит в целом подобные чёрно-белые альтернативы, однозначность которых особенно отчётливо прослеживается в политическом

² Ленин В. И. ПСС. Т. 25. С. 9.

³ Ленин В. И. ПСС. Т. 29. С. 207–208.

⁴ Грамши А. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1980. С. 363.

истеблишменте США, чей предвзятый обострённо-жёсткий настрой по отношению к России определяют в последние годы сугубо односторонне – негативные – оценки, искажения её истории и нынешнего состояния, как новые, так и старые обвинения и упрёки. Постоянно даёт о себе знать цепная реакция давних стереотипов и конфронтационной логики: нарушение демократии и прав человека – авторитарная деспотия – ретросоветский милитаризм, милитаристская экспансия Москвы, покушающаяся на свободы западного мира. Естественное стремление России, как любой страны, защищать свои национально-государственные интересы, укреплять своё духовно-историческое наследие, расширять культурно-цивилизационное присутствие в мире болезненно воспринимается в США и безоглядно ориентирующих на них странах как некий маргинальный вызов всему человечеству и ценностным основам его цивилизационного развития.

В своё время З. Бжезинский без малейшей политико-стилистической ретуши обнажил отправную точку американского восприятия России и стратегической цели США в отношении нашей страны: «Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей... Россия будет раздробленной и под опекой» [5].

Своего рода заочной полемикой с этой обобщённой оценочной позицией американских правящих

кругов стала откровенная критика Л. Жоспеном действий Запада во главе с США после распада СССР: «Надо признать, что в ходе транзита ведущие западные страны действовали нагло, а их экономисты, вызванные к постели больного, прописали жуткие лекарства. Расширение НАТО на Восток происходило без оглядки на гордость и опасения руководителей России. Развёртывание американских противоракет вдоль российских границ – под малоубеждающим предлогом иранской угрозы – было ошибкой» [1, р. 161].

Позиция современной Франции на российском направлении выглядит в книге просто и ясно – взвешенный прагматизм. Первоосновой отношений является уважение к России и её народу. Диалог между лидерами стран, как это было в бытность Л. Жоспена премьер-министром Франции, должен быть регулярным. Поэтому он поддерживает инициативы Э. Макрона, ориентированные на развитие контактов с президентом В. В. Путиным и возвращение России в G8. В случае урегулирования кризисной ситуации на юго-востоке Украины, нахождения взаимоприемлемых политических развязок в Сирии, прекращения взаимных наступательных информационных кампаний станут возможными, по его мнению, уступки со стороны Франции, в том числе касающиеся смягчения санкций против России.

При этом ни слова не сказано о том, что ограничительные меры и санкции, используемые фактиче-

⁵ Островский В. Збигнев Бжезинский о России // Ящик Пандоры. 2012. 4 июня // URL: <http://pandoraopen.ru/2012-06-04/44029/>

ски как альтернатива традиционной дипломатии, нарушают и всё больше вытесняют давно сложившиеся в международных отношениях правила и кодексы. Санкции сегодня – адаптированный к новым геополитическим условиям инструмент внешнеэкономического и внешнеполитического воздействия на подсанкционные страны, а в особом случае с США – с целью ослабления, дестабилизации и даже смены их политических режимов.

Ещё в 2015 г. государственный секретарь США Дж. Керри со всей прямотой и откровенностью заявил: «Нам и так непросто убеждать Европу давить на Россию из-за Украины» [6].

Я сомневаюсь, что в поле зрения автора попал принятый в США в 2017 г. Закон «О противодействии противникам Америки посредством санкций», нацеленный прежде всего на Россию, которой в 184-страничном документе отведена половина (!) текста. Заявленная цель со всей определённой обозначена в самом названии его профильного раздела: «Акт о противодействии российскому влиянию в Европе и Евразии».

В самой Европе дела с демократией, констатирует Л. Жоспен, обстоят далеко не лучшим образом, зачастую оспариваются привычные демократические институты: либо их считают недостаточно репрезентативными, либо во имя прямой демократии выступают против самого принципа представительства. В свете этой оценочной констатации отмеченные выше обвинения и упреки Запада в адрес России, форсирован-

ный акцент на негативе теряют во многом политическую основательность и остроту.

Правда, в другом месте и по другому поводу Л. Жоспен настаивает на том, что Россия не умеет пользоваться «мягкой силой». С этим можно и согласиться, имея в виду её реальные возможности и потенциал. Но его утверждение, что «она впечатляет, но устрашает больше, чем соблазняет» [1, р. 170], как минимум неточно и отражает неполноту и смазанность реальной геополитической картины. Никто не оспорит историческую данность: к сильному тяготеют, со слабым не считаются.

У России нет иного геополитического выхода, как стать и быть инновационно мощной державой, опасливое уважение к которой предопределяет на международных переговорах площадках исходное понимание необходимости учитывать её национально-государственные интересы в реальных поисках взаимоприемлемых решений. Оценочное суждение автора приобрело бы большую объективность, если бы он вспомнил, сколь «впечатляющим» выглядит военный бюджет США на 2021 г., превосходящий российский в 16 (!) раз, значительная часть которого направлена на «сдерживание» России.

Книга была готова к печати, когда разразилась коронавирусная пандемия. О её влиянии на политические и социально-экономические процессы в своей стране и мире автор написал в конце июля 2020 г. специальное послесловие.

⁶ Комсомольская правда. 2015. 19 август.

Последствия пандемии сразу же сказались на внутривнутриполитической жизни Франции: второй тур муниципальных выборов состоялся 28 июня 2020 г., спустя... 105 дней после первого, причём активность избирателей и интерес населения к политике в целом резко упали. В оценке автором действий высшего политического руководства страны в преодолении коронавирусного кризиса лежит критическое начало: «слишком много в них противоречий, приблизительности и недосказанности» [1, р. 248]. Он упрекает исполнительную власть страны в том, что она слишком долго утверждала, что пользы от ношения масок и тестов на коронавирус нет не потому, что это правда, а потому, что Франция испытывала в них огромный недостаток.

Пандемия выразительно подчеркнула противоречие, связанное с обозначившимися ранее центробежными тенденциями в развитии глобализации: кризис – глобальный, противодействия ему – локальные, преимущественно в централизованных рамках «государство – нация».

Коронавирусный кризис подвёл черту под эпохой неолиберальной минимизации роли национального государства. Отвергнута нарас-

тающая в течение многих лет убеждённости в неизбежности эрозии и даже истощенности функциональных возможностей государства. В условиях масштабной дезориентации неолиберального истеблишмента к государству возвращается роль централизованного регулятора. Угроза катастрофической депрессии понуждает его мыслить глобальными кризисными категориями, но ускоренно действовать в суверенных институциональных рамках. Из этого следует с особой силой подчеркнутая в книге практическая важность сохранения за государством организационных и регуляторных функций. «В условиях кризиса все участники экономической жизни стран поворачиваются именно к государству. Речь не идёт о всеобщем возвращении к протекционизму или уступках национализму, об опасности которых предупреждает само историческое развитие. Государства, выражая и защищая коллективные интересы путём реализации законов и установлений, способны осуществлять связь личного и коллективного в краткосрочном диапазоне и на долгосрочную перспективу, и именно пандемия подтвердила значимость всего этого» [1, р. 244].

Таким образом, преодоление травматического шока от коронавирусной пандемии вынужденно увязывается с поиском защиты непосредственно у государства, так как реальные возможности международных организаций для эффективного противодействия ей оказались суженными до малозначимых показателей.

Анализируя тяжелейшие последствия пандемического кризиса, Л. Жоспен считает необходимым пересмотреть смысл существования Евросоюза, его приоритеты и принципы функционирования, поскольку, столкнувшись с опустошениями, которые вызвал коронавирус, «солидарные действия

стран – членов ЕС в начале были затруднительными и ограничивались лишь символическими жестами» [1, р. 239].

Книга Л. Жоспена наглядно отражает озабоченность французского политического класса накоплением факторов непредсказуемости в стране и мире, «смутной», по его определению, неопределённостью перспектив трансформации мирового порядка.

Библиография • References

Грамши А. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1980. – 422 с.

[Gramshi A. Izbrannyye proizvedeniya. M.: Politizdat, 1980. – 422 s.]

Комсомольская правда. 2015. 19 августа.

[Komsomolskaya pravda. 2015. 19 avgusta]

Ленин В.И. ПСС. Т. 25. – 679 с.

[Lenin V.I. PSS. T. 25. – 679 s.]

Ленин В.И. ПСС. Т. 29. – 821 с.

[Lenin V.I. PSS. T. 29. – 821 s.]

Островский В. Збигнев Бжезинский о России // Ящик Пандоры. 2012. 4 июня //

URL: <http://pandoraopen.ru/2012-06-04/44029/>

[Ostrovskij V. Zbignev Bzhezinskiy o Rossii // Jashhik Pandory. 2012. 4 iyunya //

URL: <http://pandoraopen.ru/2012-06-04/44029/>]

Jospin L. Un temps troublé. P.: Editions du Seuil, 2020. – 256 p.

Статья поступила в редакцию 15 января 2021 г.

Пример оформления библиографических ссылок по стандартам транслитерации

Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15256>

[Ukaz Prezidenta RF ot 7 maia 2012 g. «O merakh po realizatsii vneshnepoliticheskogo kursa Rossiiskoi Federatsii» // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15256>]

Пономарева Е. Г., Рудов Г. А. «Цветные революции»: природа, символы, технологии // Обозреватель–Observer. 2012. № 3. С. 36–48.

[Ponomareva E.G., Rudov G.A. «Tsvetnye revoliutsii»: priroda, simvol'y, tekhnologii // Obozrevatel'–Observer. 2012. № 3. С. 36–48]